

УДК 811.511

ЭТНИЧНОСТЬ КОМИ-ПЕРМЯКОВ КАК СИСТЕМА ОППОЗИЦИЙ¹

Екатерина Сергеевна Худякова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, Букирева, 15. khudiakova.es@gmail.com

Статья посвящена исследованию коми-пермяцкой этничности по текстовым данным. Исследуется декларируемая этническая идентичность, выражающаяся в устойчиво используемых этнонимах. Наиболее частотными оказываются этнонимы «коми-пермяк» и «пермяк». Анализу подвергнута также «реальная» идентичность, нашедшая отражение в устойчиво предиктируемых категориях. Получена сложная система оппозиций, базовые члены которой – «коми-пермяк» в противопоставлении «русскому». Показано, что, несмотря на отмечаемые исследователями процессы деэтнизации коми-пермяков, информанты-коми-пермяки демонстрируют сохранную этничность, поддерживаемую системой противопоставленных категорий, реализуемых в текстах.

Ключевые слова: коми-пермяцкая этничность; система оппозиций; нарративный анализ; этностереотипы.

Для большинства живущих в Пермском крае совершенно очевидным и не вызывающим сомнений является факт существования на севере региона Коми-Пермяцкого округа и его жителей коми-пермяков. Однако в западной литературе до сих пор коми-пермяцкий и коми-зырянский языки называются двумя наречиями языка коми, а западные социолингвисты вообще спорят с «советской» практикой выделения коми-пермяцкого языка, называя его языком зырян Пермского края. Тимоти Рис в достаточно авторитетной монографии «The Uralic Languages» подчеркивает, что во всех странах, кроме Советского Союза, вопрос о двух разных языках (коми-пермяцком и коми-зырянском) не ставится, поскольку «различия между этими “языками” значительно менее яркие, чем между диалектами большинства европейских языков, и тем более между языками» [Riese 1998: 250]. Даже если оставить в стороне вопрос о малоприменимости критериев, разработанных для старописьменных и отличающихся массовостью носителей «большинства европейских языков», на сегодняшний день довольно сложно отрицать существование двух литературных языков – коми-пермяцкого и коми-зырянского. При этом Т. Рис подчеркивает, что и на вопрос о существовании коми-пермяцкой народности могут ответить только сами коми-пермяки. Исследователь, основываясь на советских данных, утверждает, что этнонимом «зыряне» (а иногда и «вотяки») называли себя и

коми-зыряне, и коми-пермяки [ibid.: 251], лишь 70% которых говорит на «коми» языке. Таким образом, по мнению западных лингвистов, понятия и «коми-пермяцкого языка» и «коми-пермяцкой» этничности были сконструированы в советское время для дезинтеграции представителей на самом деле одной этнической группы («зыряне»)².

Исходя из этого, мы ставим перед собой цель – изучить лингвистическую манифестацию коми-пермяцкой этничности, вызывающей столько сомнений у западных исследователей, на материале спонтанных текстов на тему «О народных традициях», собранных в Коми-Пермяцком округе у информантов, идентифицировавших себя как «коми-пермяки». 25 текстов о народных традициях собраны от билингвов-коми в возрасте от 19 до 72 лет, жителей сельской местности и города Кудымкара, 21 женщины и 4 мужчин. Тексты опубликованы в Звучащей хрестоматии [Русская речь коми-пермяков 2014].

В качестве методологического основания мы рассматриваем подход к этнической идентичности в социологии конструктивизма. Ф. Барт определяет этническую группу как народонаселение, во-первых, биологически самовоспроизводимое, во-вторых, разделяющее общие культурные ценности, реализованные в единстве культурных форм, в-третьих, образующее поле коммуникации, в-четвертых, конституирующее категорию, отличную от других категорий второго

порядка (отличает «себя» от «чужих») [Барт 2006: 11]. Нас будет интересовать именно четвертый пункт, который предполагает, что для себя и других этничность – это система оппозиций, дифференцирующих представителей одной этнической группы от представителей другой.

Традиционно выделяются следующие типы идентичностей: декларируемая (в нашем случае соотносится с пропозицией «я есть некто», – она вербализуема и предикативна и сближается с номинальной, называемой), субъективная (реалистическая) и отдельно – идентификация (как деятельность наблюдателя) [Vrian 2001: 2224]. Реальная идентичность как самоконструирование связана с речевыми процедурами категоризации: «Все, что субъект говорит другому, он говорит и самому себе. Посредством общения с другими человек создает у себя самого такие же позиции, которые он желает видеть у других или которые у них возникают сами благодаря применению общих значимых символов» [Абельс 2009: 13].

Для изучения идентичности важно определить набор социальных и личностных категорий, которые становятся вписанными в структуру личности [Turner 1988: 113]. Исследование данных категорий предполагает экспериментальные методики по их «исчислению», а также построение иерархии категорий для выявления идентифицирующих и дифференцирующих категорий.

Идентичности социально или культурно поддерживаемы: по мнению Криса Видона, «институты производят дискурсы, в которых гендерная или этническая идентичность конструируется». В дискурсах предлагаются рационализированные категории, в которые индивид может (и должен) вписать себя, а любое социальное действие уже есть выражение идентичности [Weedon 2004: 13].

Для определения общих идентичностных ориентаций используется метод интервьюирования: предлагается спонтанный монолог на тему «О себе». Данный жанр предполагает реализацию автобиографического нарратива. Нарратив в социальной психологии [Giddens 1991: 24] признается способом конструирования идентичности – самоозначиванием [Bruner 2003: 31]. Нами уже были апробированы методики анализа идентичности (религиозной и этнической) на материале нарративных текстов: идентичность конструируется на уровне деклараций (уровне пропозиций «Я есть некто), на уровне категоризации (типы когнитивных действий), на уровне отбора и структурирования текстовых блоков, которые показывают: а) предметное заполнение когнитивного пространства (соотносится с содержательным компонентом идентичности); б) оценочные компоненты, устойчиво приписываемые данным компонентом (соответствует

ценностно-нормативному компоненту идентичности), и в) личностное время, которое фиксируется в виде образа прошлого и образа будущего (и в целом отбором временных характеристик).

Таким образом, методом нашего исследования становится традиционный филологический анализ нарратива, в лингвистическом смысле предполагающий выделение частотных реализаций какой-либо категории и пропозициональный анализ высказываний, содержащих эти категории.

В Коми-Пермяцком округе проживает 62% этнических коми-пермяков [Дерябин 1997: 9], в последнее время исследователями отмечается так называемая диаспоризация коми-пермяков – формирование малых этнических групп за пределами материнского региона [Лаллукка 2000: 96]. Самая крупная диаспора коми-пермяков, естественно, сейчас проживает в г. Перми. Однако Коми-Пермяцкий округ, несмотря на быстрый отток населения, до сих пор остается самым мощным по титульному этническому составу округом из всех финно-угорских округов и республик на территории России (например, в Республике Коми состав титульной нации составляет около 40% населения).

Этничность складывается из нескольких компонентов: чувства принадлежности к этносу, установок на действия по отношению к своему и другим этносам и представлений о своем и чужих этносах [Орехова 2006: 24]. Исследователи отмечают деэтнизацию коми-пермяцкого населения; так, «ориентация на общероссийскую гражданскую идентичность среди коми-пермяков неуклонно усиливается» [Шабаев 2006: 69]: 48,6% коми-пермяков отметили ориентацию и на окружную, и на российскую этничность, 42,5% – только на гражданскую и лишь 2,7% – на коми-пермяцкую. С середины XX в. начинается медленный, но неуклонный отток населения Коми-Пермяцкого округа (в двухтысячные за год округ покидало около 1–1,5% населения), этот процесс поддерживается старением населения и явным демографическим кризисом в округе. Этнические установки также безрадостны: 90% студентов, по данным Ю. П. Шабаева, хотели бы покинуть округ, эта тенденция поддерживается установками их родителей, одобряющих отъезд детей из округа [там же]. Низкую этническую лояльность демонстрируют коми-пермяки, называющие в основном отрицательные этностереотипы – низкий культурный уровень (23,5% информантов В. С. Дерябина), пьянство и грубость (17,5% информантов-коми-пермяков), отсутствие чувства собственного достоинства (14,5% информантов), непредприимчивость (8,4% информантов) и леность (3,9%) [Дерябин 1997: 15].

По данным Ю. П. Шабаева, 52,2% коми-пермяков назвали родным языком русский. Тем

не менее большинство и городских, и сельских коми-пермяков понимают коми-пермяцкую речь, однако не умеют читать по-коми-пермяцки уже 51,5% городских и 35% сельских коми-пермяков, письменностью не владеют 65,2% городских и 45,5% сельских коми-пермяков [Шабаев 2006: 68]. Молодые знают коми-пермяцкий литературный язык значительно хуже представителей старшего поколения, что связано и с предпочтением обучения в русской, а не национальной школе, и с непрестижностью коми-пермяцкого литературного языка. Среди детей билингвизм уже редок: лишь 18,4% детей свободно говорят по-коми-пермяцки, а 29,3% детей совсем не владеют коми-пермяцким языком [Дерябин 1997: 13]. По данным В. С. Дерябина (несколько устаревшим), коми-пермяцкий язык остается языком семейного общения, в рабочей обстановке его

продолжают использовать лишь 40% сельских жителей (и 4% городских) [там же: 10]. В связи с фактором «возраст» можно говорить о динамике монолингвизма (коми-пермяцкий) у самых старших: коми-пермяцко-русский билингвизм – русско-коми-пермяцкий билингвизм – монолингвизм (русский).

Применяя нарративные методики для анализа текстов, рассмотрим разные компоненты этнической идентичности, декларируемой в текстах.

Пропозиция «Я есть некто» выражает так называемую «декларируемую» идентичность. Реализация данной пропозиции в текстах жителей Коми-Пермяцкого округа позволит определить, насколько прав Тимоти Рис, указывая, что все коми называют себя «зырянами».

Таблица 1

Этнонимы в декларируемой этничности

Этноним	Частота употребления
Коми-пермяк	27
Пермяк	5
Коми	2
Комяк	1
Русский коми-пермяк	1

Как видим в табл. 1, зырянами информанты себя не называют, и самой частотной дефиницией этничности является «коми-пермяк», далее с отрывом следуют «пермяк», «коми» и в единичных случаях «комяк» и «русский коми-пермяк». О том, что этничность вполне сложилась, говорят устойчивые конструкции «прилагательное + этноним»: «коми-пермячка истая» (Инф. 13), «коми-пермяк истинный» (Инф. 7, 14), «коренные коми-пермяки» (Инф. 17).

В одном случае коми-пермяцкая этничность даже дифференцирована на южную и северную (кудымкарскую и косинскую) со своими специфическими традициями, что также подтверждает факт сформированности этничности коми-пермяков: *Э-э / вот / Кудымкарский район / э-э / и Косинский район / я вот / щас могу сравнить // Там я двадцать пять лет жил / тут / пять лет живу // Вот / и-и / родился я здесь тоже // Н-н там / э-э / конечно / э / о-о / своеобразие / у-у / северных коми-пермяков / и-и / южных коми-пермяков / разное своё это / блюда // (Инф. 10).*

Декларируемая идентичность проявляется также в противопоставлении своей этнической группы иным. Противопоставляют себя коми-пермяки коми-зырянам (*Но этот / э-э это не-е / коми-пермяцкая свадьба / а настоящая русская свадьба была // Поэтому // Хоть и там коми-зыряне // (Инф. 1)*), татарам (*Раньше отмечали ещё / праздник / первой борозды-ы // Сабантуй // У татар называется // У нас / просто называ-*

ется / праздник / хлеборобов / посвящённый завершению / весеннего сева // (Инф. 3)) и, конечно, русским. Оппозиция «коми-пермяки – русские» достаточно сложна: в 5 случаях оппозиция снимается, утверждается, что теперь у коми-пермяков «все, как у русских»: *Ну свадьбы отмечают обычно так же / как и-и / у русских // Обрусели уже можно сказать видимо // (Инф. 1); Не знаю / всё так же как у русских наверно // (Инф. 24).*

В одном случае оппозиция также снимается, но сильным членом оказывается коми-пермяцкая этничность: *То есть э-э / все русские которые раньше / м-м э-э / приезжали / в коми-пермяцкие деревни / они / э-э о- / опермачивались // (Инф. 10)*, однако подчеркивается, что это происходило в прошлом.

Усложняется эта оппозиция включением других компонентов идентичности личности – в двух текстах пожилых информантов оппозиция снимается за счет добавления «советской» идентичности (коми-пермяцкий + русский = советский): *Праздники / мы отмечали / все советские (смех) // Все советские // И-и / отмечали / э / так / как отмечают их русские // (Инф. 2).*

В одном случае оппозиция снимается за счет реализации не этнической, а национальной идентичности: *Праздники-и э-э / я отмечаю / такие / общиe народные / которые весь народ отмечает // (Инф. 11).*

Еще в двух случаях оппозиция снимается за счет введения надэтнической идентичности – религиозной, поскольку православие объединяет и коми-пермяков, и русских: *Всё н- / по-русским обычаям делается // Ну-у / обряд христианский он по-моему у всех н- / национальностей православных / примерно одинаков //* (Инф. 3).

Далее рассмотрим реальную идентичность, которая, по Ф. Барту, реализуется в устойчиво предиктируемых базовой идентичности категориях. Категории реализуются лексемами из одного семантического поля, поэтому по сути анализ категорий представляет собой семантический анализ лексем, предиктируемых базовым лексемам «коми-пермяк» и «русский».

Оппозиция «коми-пермяк vs русский» поддерживается включением следующих компонентов пропорций: коми-пермяки – это деревня, а русские – это город. Оппозиция может расширяться и дополняться членами: деревенский – это еще и религиозный, а городской – неверующий. Далее сетка категорий «коми-пермяцкий» есть «деревенский» может расширяться компонентом «старый» (особенно у молодых информантов): *Вот это первое / что я запомнила // Потом // Вот чем отличалась / от городских //* (Инф. 2); *Н-ну у меня / братья в деревне живут // Вот эт(о) / отчим // И-и... // Ну / езжу в деревню // К дедушке // С дедушкой разговариваю на коми // У нас там все по-коми разговаривают //* (Инф. 22). Этот компонент, в свою очередь, может оцениваться как «хороший» и «правильный» в противоположность «современному» и «неправильно-

му» (см. табл. 2). Коми-пермячки-деревенскому может приписываться и характеристика «пьянство», однако в двух текстах информантов старше 50 лет старой деревне в противоположность современной деревне, наоборот, прилагается характеристика «трезвость». В одном тексте к категориям «коми-пермяцкий» – «деревенский» – «старый» добавлена категория «языческий», а «русский» – «городской» – «современный» – соответственно, «христианский».

В целом, взаимодействие религиозной и этнической идентичностей у коми-пермяков весьма сложное – женщины устойчиво связывают этничность и православие, тогда как 2 мужчины и 1 женщина (все – старшей возрастной группы) связывают коми-пермяцкую этничность и язычество в противоположность русской этничности и христианству (а в статье А. Леете и П. Кооса указывается только связь коми этничности и христианства [Leete, Koosa 2012: 173]): *А-а о вот / по христианским / традициям / э русские / которые э / не знают этот обычай / они как-то / о- / относятся к этому / что вроде / человек умер там / плакать надо тн-н / э-э / вроде это / э // Э / а тут поют / м-м это вроде то что-о / какая-то крамо-ола такая-то // То ес(т)ь э-э / э и-и / по христианским традициям / ведь тоже как бы это / э-э м-м / не следует как бы / поминать э / души умерших / потому что они уходят / или в рай / или ад / э / э / мы же не знаем // А мы точно знаем // Что наши родственники / с этого света уходят э-э / в другой свет //* (Инф. 10).

Таблица 2

Оппозиции категорий, составляющих коми-пермяцкую этничность³

Коми-пермяцкий				Русский			
деревенский		10		городской		7	
деревенский	религиозный	3		городской	неверующий	2	
деревенский	старый	5		городской	современный	1	
деревенский	старый	хороший	1	городской	современный	плохой	1
деревенский	пьянство		3	городской	современный	христианский	1
деревенский	старый	трезвый	2	христианский			
деревенский	старый	языческий	1				
языческий		3					

Интересно, что в социально-психологических исследованиях, посвященных этничности, она формулируется в виде определений, устойчиво приписываемых какому-либо этносу (эндо- или автостереотипы), однако в спонтанных текстах коми-пермяков такие определения качеств этноса даны лишь в двух текстах: *Я всегда пишу / а-э / говорю об этом / с гордостью / потому что наш народ / он / уникальный // Это / дети при-роды // Истинные коми / н-не те которые уже / э-э / в э / процессе ассимиляции утратили какие-то вещи / но вообще / вот такой чистоты /*

доброты / искренности / желания поделиться последним / я не встречала // (Инф. 7) и *(При)чём в обычаях очень много критики // Мы себя / м-м / очен-нь / как бы критикуем / относимся очень / критически коми-пермяки к себе относятся // Вот в каждом что-то ы / таком элементе-е / вот / э-э / м-м / находится какая-то шуточная критическая форма //* (Инф. 10). В основном же этничность формулируется в нарративе в виде оппозиций с другими категориями.

Наконец, у социологов не вызывает сомнений роль языка в поддержании этничности. В исследуемых текстах коми-пермяцкий язык также встраивается в оппозицию с русским языком и поддерживается практически теми же категориями, что и коми-пермяцкая этничность: коми-пермяцкий язык – это язык деревни, язык родителей и предков, язык прошлого, русский – это язык города, детей и настоящего. В двух текстах информанты указывают, что в советское время их родители считали коми-пермяцкий язык непрактичным, мешающим социализации (*Ну-у / русский знаю с рождения / потому что разговаривали / как бы родители со мной по-русски // Почему? // Потому что-о / считали что-о / пермяцкий помешает в жизни //* (Инф. 13)), молодые информанты своих детей коми-пермяцкому языку также не учат: *Есть / маленький ребенок / но-о / по-коми мы не учим // Она у нас ру(сская) //* (Инф. 24). При этом информанты социально активные, работающие, в трех текстах отмечают полезность, прагматизм знания коми-пермяцкого языка: *Потом мне знание языка очень пригодилось когда я начала работать // Это было то время когда / студентов наших / отправляли в колхоз на картошку // А-а значит / и-и когда с местным населением говоришь вот на родном языке / снимается очень много проблем // А сразу появляется-а / и мешки / и трактора / и всё что хочешь / значит э-э / появля(е)тся / м-м / тут же / по / мгновению / и вы- / вс- все проблемы / и сами / исчезают сами по се(б)е / то ес(т)ь / население уже принимало-о / как бы за свою тебя //* (Инф. 8).

Таким образом, этничность коми-пермяков у самих коми-пермяков не вызывает сомнений и формируется в проанализированных текстах через сетку противопоставленных или соположенных идентичностных категорий, важнейшие из которых – это локальная, возрастная и религиозная идентичность. При этом устойчивое предцирование категории «старый» и «деревенский» коми-пермяцкому все-таки показывает процесс деэтнизации коми-пермяков.

Применение структуралистского метода анализа реализации этничности в тексте может быть использовано и для прогнозирования этнических автостереотипов: не заполненные в исследуемых текстах ячейки таблицы этничности вполне могут быть заполнены в других текстах.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-14-59004 «Русский язык билингов-коми-пермяков Пермского края».

² Заметим при этом, что в той же коллективной монографии, в которой помещена работа Т. Риса, опубликована и работа Ану-Рит Хаузенберг, которая вполне разделяет «советскую» точ-

ку зрения на существование коми-пермяцкого языка и самих коми-пермяков [Hausenberg 1998].

³ В таблице указана абсолютная частота реализации комплексов категорий в текстах информантов.

Список литературы

Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / под общ ред. Н. А. Головина и В. В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000. 267 с.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта; пер. И. Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. С. 9–48.

Дерябин В. С. Коми-пермяки сегодня: Особенности этнокультурного развития // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. №102. М., 1997. 22 с.

Лаллукка С. Диаспора. Теоретический и прикладной аспекты (опыт анализа группы российских финно-угров) // СоцИс. 2000. № 7. С. 91–98.

Орехова О. Б. Ценности этничности населения Коми-Пермяцкого округа // Диалог культур и цивилизаций: тезисы Всерос. науч. конф. молодых историков (7; Тобольск). Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2006. С. 23–25.

Русская спонтанная речь коми-пермяков: национальные традиции: звучащая хрестоматия / колл. авт.; науч. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. 112 с.

Шабаетов Ю. П. Этносоциальные последствия объединения регионов (Из опыта формирования Пермского края) // СоцИс. 2006. № 3. С. 64–71.

Bruner J. Self-making and world-making // Narrative and Identity: Studies in autobiography, Self and Culture / ed. J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins pub., 2003. P. 26–39.

Giddens A. Modernity and Self Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p. VII–XV.

Hausenberg A.-R. Komi // The Uralic Languages / ed. Daniel Abondolo. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 305–326.

Leete A., Koosa P. The churches were opened and lots of missionaries arrived: dialogue between komi identity and faith // Folklore. 2012. Vol. 51. P. 171–190. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol51/> (дата обращения: 01.11.2014).

Riese T. Permian // The Uralic Languages / ed. Daniel Abondolo. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 249–275.

Turner J. C. Comments on Doise's Individual and Social Identities in intergroup relations // European Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 18. P. 113–116.

Vrian K. Identity: Social Psychological aspects // Concise encyclopedia of sociolinguistics / ed. R. Mesthrie. Oxford, Elsevier, 2001. P. 2216–2219.

Weedon Ch. Identity and Culture: Narratives of difference and belonging. N.Y.: Maidenhead: Open University Press, 2004. 144 p.

References

Abels H. Interakcija, identičnost', prezentacija. Vvedenie v interpretativnuju sociologiju [Interaction, identity, presentation. Introduction to interpretive sociology]. Ed. by N. A. Golovin and V. V. Kozlovsky. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2000. 267 p.

Bart F. Vvedenie. Jetnicheskie gruppy i social'nye granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij [Introduction. Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural differences]. Sbornik statej [Collection of papers]. Ed. by F. Bart; transl. I. Pil'shnikov. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ, 2006. P. 9–48.

Bruner J. Self-making and world-making. Narrative and Identity: Studies in autobiography, Self and Culture. Ed. J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins pub., 2003. P. 26–39.

Derjabin V. S. Komi-permjaki segodnja: Osobnosti ehtnokul'turnogo razvitija [Komi-Permyaks today: Features of ethno-cultural development]. Issledovanija po prikladnoj i neotloznoj jetnologii Instituta jetnologii i antropologii RAN [Studies in Applied and emergency ethnology of The Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. No 102. Moscow, RAS Publ., 1997. 22 p.

Giddens A. Modernity and Self Identity. Stanford, Stanford University Press, 1991. 264 p. VII–XV.

Hausenberg A.-R. Komi. The Uralic Languages. Ed. Daniel Abondolo. London NY Routledge, 1998. P. 305–326.

Lallukka S. Diaspora. Teoreticheskij i prikladnoj aspekty (opyt analiza gruppy rossijskih finno-ugrov) [Diaspora. Theoretical and applied aspects (experi-

ence analyzing a group of Russian Finno-Ugric)]. SocIs [sociological research]. 2000. No 7. P. 91–98.

Leete A., Koosa P. The churches were opened and lots of missionaries arrived: dialogue between komi identity and faith. Folklore. Vol. 51. 2012. P. 171–190. Available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol51/> (accessed 01.11.2014).

Orekhova O. B. Cennosti ehtnichnosti naselenija Komi-Permjackogo okruga [Ethnicity values of Komi-Permyak's District population]. Dialog kul'tur i civilizacij: Tezisy Vseros. nauch. konf. molodyh istorikov [Dialogue of Cultures and Civilizations: Abs. all-Russ. sci. conf. of young historians]. Tobolsk, D. I. Mendeleev's TSPI Publ., 2006. Vol. 7. P. 23–25.

Riese T. Permian. The Uralic Languages. Ed. Daniel Abondolo. London; New York, Routledge, 1998. P. 249–275.

Russkaja spontannaja rech komi-permjakov: nacional'nye tradicii: zvuchashhaja khrestomatija [Russian spontaneous speech of Komi-Permyaks: national traditions: sounding reader]. Ed. by T. I. Erofeeva; Perm. St. Univ. Perm, 2014. 112 p.

Shabaev Ju. P. Ehtnosocial'nye posledstvija objedinenija regionov (Iz opyta formirovanija Permskogo kraja) [Ethnosocial consequences of merging regions (from the experience of formation of Perm Krai)]. SocIs [sociological research]. 2006. No 3. P. 64–71.

Turner J. C. Comments on Doise's Individual and Social Identities in intergroup relations. European Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 18. P. 113–116.

Vrian K. Identity: Social Psychological aspects. Concise encyclopedia of sociolinguistics. Ed. R. Mesthrie. Oxford, Elsevier, 2001. P. 2216–2219.

Weedon Ch. Identity and Culture: Narratives of difference and belonging. New York, Maidenhead: Open University Press, 2004. 144 p.

THE KOMI-PERMYAKS' ETHNICITY AS A SYSTEM OF OPPOSITIONS

Ekaterina S. Khudiakova

Assistant Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

The article investigates the Komi-Permyaks' ethnicity basing on text data. We investigate the declared ethnic identity expressed in stably used ethnonyms. Most frequently used ethnonyms are «Komi-Permyaks» and «Permyaks». The «real» identity, expressed in stably predicated categories, is analyzed. A complex system of oppositions is presented, the basic terms of which are «Komi-Permyak» in opposition to «Russian». It is shown that despite the processes of the Komi-Permyaks' «de-ethnicization» being observed, the Komi-Permyaks' ethnicity is still preserved and is being maintained by the system of opposed categories presented in the texts.

Key words: Komi-Permyaks' ethnicity; system of oppositions; narrative analysis; ethnic stereotypes.